

Два Мясника

№ 93-5442/5

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

Цѣна номера 75 к.

ДѢЛО

АДРЕСЪ КОНТОРЫ и РЕДАКЦІИ:

Москва, Мясницкая д. 21, кв. 57 (во дворѣ) Тел. 4-20-92, Контора открыта съ 11 ч. до 4. ч. дня.
Отд.: Б. Никитская, 24, Тел. 3-92-85.
Петрогр. Отд.: Баскова ул., д. № 9/1, кв. 7.

◁ ○ ▷

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Л. И. Аксельродъ (Ортодоксъ), М. Амгинскій, Г. Батурскій, П. Голиковъ, В. Гриневичъ, Л. Дейчъ, Ю. Денинъ, П. Дневникий, А. Дюбуз, В. Епифановъ, С. Загорой, И. Зайцевъ, Д. Заславскій, В. И. Засуличъ, Ст. Ивановичъ, В. Канторовичъ, С. Кляванскій, П. Н. Колокольниковъ, Д. Кольцовъ, Из. Кубиковъ (Дементьевъ), Г. Кучинъ, В. Левицкий, М. Либеръ, В. Львовъ-Рогачевскій, А. Любимовъ, Евг. Маевскій, В. Н. Малинковичъ, П. П. М. словъ, В. Мирвъ, Гр. Петровичъ, А. Н. Потресовъ, Л. Пумпянскій, В. Рафаиловъ Чернышевъ, Вл. Розановъ, А. Н. Смирновъ, Е. Смирновъ (Гуревичъ), А. Фишгендлеръ, М. Хейсинъ, И. Чернышевъ, С. Шварцъ, В. Шеръ, Ф. Юдинъ и др.

№ 13

Четвергъ 18 іюля (5 іюля) 1918 г.

№ 13

СОДЕРЖАНІЕ: В. Левицкий—У послѣдней черты. В. М.—Долой смертную казнь! П. Колокольниковъ—Областные государства и возрожденіе Россіи. П. Дневникий—Отъ Бѣлинскаго къ Плеханову. В. Рафаиловъ-Чернышевъ—Г. В. Плехановъ въ «Единствѣ». В. Гриневичъ—Г. В. Плехановъ и рабочій классъ. Д. Кольцовъ—Новая тактика Франца Меринга. Л. Пумпянскій—Декретъ о націонализациі промышленности. Л. Петлинъ—К. А. Тимирязевъ. А. Фишгендлеръ—[А. А. Тарасевичъ.] П. Чернышевъ—Западная наука и восточная практика

Г. В. Плехановъ и рабочій классъ.

Глубокой трагедіей овѣяна смерть Г. В. Плеханова, посвятившаго двѣ трети своей жизни служенію русскому рабочему классу и умершаго одинокимъ, окруженнымъ небольшимъ кружкомъ политическихъ друзей, въ 20 верстахъ отъ Петрограда, къ которому четыре десятка лѣтъ неслись мысли его глубокаго революціоннаго ума изъ за тысячъ верстъ тяжелой эмиграціи. Его личная трагедія стушевывается предъ общественной трагедіей, предъ трагедіей русскаго рабочаго движенія. Насколько тонки тѣ слои русскаго рабочаго класса, которые проникнуты истиннымъ социаль-демократическимъ сознаніемъ, если въ самый отвѣтственный

моментъ русскаго революціоннаго движенія основоположникъ русской соціалъ-демократіи, единственный признанный международнымъ пролетаріатомъ вождь русскаго рабочаго движенія, одинъ изъ самыхъ видныхъ теоретиковъ марксизма, долженъ былъ уступить мѣсто фанатикамъ-демагогамъ и политическимъ невѣждамъ, сумѣвшимъ играть на низменныхъ инстинктахъ рабочихъ массъ. Насколько низко политическое сознание тѣхъ элементовъ русскаго народа, которые объединялись названіемъ „революціонной демократіи“, если въ ея высшихъ органахъ Г. В. Плеханову не было удѣлено соотвѣтствующаго первенствующаго мѣста; если только преждевременная смерть одного изъ старѣйшихъ революціонеровъ заставила революціонную демократію вспомнить о его заслугахъ предъ русской революціей. Наконецъ, насколько наша соціалъ-демократическая партія не смогла до сихъ поръ освободиться отъ узкаго, эмигрантскаго фракціонерства, если ея центральный органъ, „посвященный вопросамъ с. д. теоріи и практики“, можетъ наканунѣ физической смерти Г. В. Плеханова помѣщать на своихъ страницахъ позорныя строки о томъ, что „Плехановъ... какъ бы духовно умеръ для Революціонной Россіи“ („Раб. Интерн.“ № 3-4 стр. 102). Мы не боимся обвиненія въ преувеличеніи, если мы скажемъ, что русское рабочее движеніе потерпѣло поражение въ революціи 1917 года, потому что русскій рабочій классъ не достаточно проникся сознаниемъ тѣхъ основныхъ идей, разработкѣ и пропагандѣ которыхъ была посвящена жизнь покойнаго Г. В.

Пораженіе, испытанное русской революціонной интеллигенціей въ ея героическомъ единоборствѣ съ самодержавно-полицейскимъ режимомъ въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, явилось причиной глубокой реакціи не только въ политикѣ государственной власти, но и повлекло за собой реакцію въ общественныхъ настроеніяхъ. Это была эпоха проповѣди „малыхъ дѣлъ“, толстовскаго „непротивленія злу“.

Въ эту мрачную эпоху Г. В. Плехановъ, уѣхавшій за границу и уже тогда несогласный съ заговорщицки-террористическими методами политической борьбы, ищетъ новыхъ путей освобожденія трудящихся классовъ отъ экономической эксплуатаціи и политическаго гнета. Изучивъ научный социализмъ, ознакомившись близко съ западно-европейскимъ рабочимъ движеніемъ, овладѣвъ съ геніальнымъ совершенствомъ діалектическимъ методомъ мышленія, Плехановъ создаетъ въ 1883 году въ Женевѣ соціалъ-демократическую группу „Освобожденія Труда“ и выступаетъ впервые какъ соціалъ-демократъ съ двумя произведеніями „Социализмъ и политическая борьба“ и „Наши разногласія“. Борясь съ утопическими пережитками народничества, онъ съ удивительной прозорливостью, свойственной только великимъ умамъ, намѣчаетъ въ этихъ двухъ трудахъ на основаніи объективнаго анализа производственныхъ отношеній Россіи не только пути политическаго освобожденія Россіи отъ самодержавнаго режима, но и пути и задачи русскаго рабочаго движенія.

Полемизируя съ эклектическими взглядами народничества 80-хъ годовъ на природу русскаго капитализма, Плехановъ совѣтуетъ своимъ противникамъ проникнуться діалектическимъ взглядомъ на исторію и даетъ практическую директиву: „Вы, одновременно, должны поддерживать капитализмъ въ его борьбѣ съ реакціей и быть непримиримыми врагами того же капитализма въ борьбѣ его съ рабочей революціей будущаго“ (Наши разногласія стр. 291). Со свойственной Плеханову полетическою рѣзкостью онъ высмѣиваетъ противниковъ, говоря, что соціалъ-демократу вовсе не нужно „хлопотать (характерное для русскаго человѣка выраженіе) о созданіи класса, во имя котораго онъ хочетъ дѣйствовать. Только при полномъ незнаніи экономическихъ отношеній современной Россіи, можно быть въ невѣдѣніи относительно того безспорнаго обстоятельства, что классъ этотъ частью созданъ, частью все скорѣе и скорѣе создается неумолимымъ ходомъ общественнаго развитія“ („Н. Разн.“ стр. 284).

Одновременно Плехановъ намѣчаетъ и задачи русскихъ социаль-демократовъ:

«Зная, что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ, и что степень капиталистической эксплуатаціи опредѣляется, между прочимъ, уровнемъ потребностей и развитія эксплуатируемыхъ, онъ (социаль-демократъ) постарается побудить рабочихъ къ самостоятельной борьбѣ противъ капитала. Такъ какъ разрозненныя усилія рабочихъ отдѣльныхъ фабрикъ и мастерскихъ не могутъ обезпечить удачнаго исхода такой борьбы, то ему нужно будетъ сообщить ей классовый характеръ. Для этого ему придется энергично и настойчиво вести „ту особенную пропаганду“, которая называется пропагандой социализма. Но мы знаемъ уже, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Поэтому пропаганда нашего социаль-демократа должна будетъ немедленно принять социально-политическій характеръ». (Н. Разн. стр. 293).

Указывая, что „новымъ и послѣднимъ фазисомъ“ борьбы съ абсолютизмомъ будетъ, когда „поддержанныя рабочей массой политическія требованія передовой части нашего „общества“ получатъ наконецъ столь давно ожидаемое удовлетвореніе“ и что „лишь посредствомъ такой дѣятельности можемъ мы избавиться отъ невыносимаго гнета абсолютизма,“ Плехановъ вмѣстѣ съ тѣмъ предостерегаетъ русскихъ социаль-демократовъ: „Чтобы содѣйствовать умственной и политической самостоятельности русскаго рабочаго класса имъ нужно только проникнуться принципами современной социаль-демократіи, и не ограничиваясь политической пропагандой, постоянно внушать своимъ слушателямъ, что „экономическое освобожденіе есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе подчинено, какъ средство“ („Н. Разн.“ стр. 296-298). Вотъ почему заключительный выводъ Плеханова сводится къ слѣдующему: „возможно болѣе скорое образованіе рабочей партіи есть единственное средство разрѣшенія всѣхъ экономическихъ и политическихъ противорѣчій современной Россіи“ (стр. 301).

„Наши разногласія“ были своего рода евангеліемъ для цѣлаго поколѣнія социаль-демократовъ—интеллигентовъ и передовыхъ рабочихъ. Прошло немного болѣе десяти лѣтъ съ выхода въ свѣтъ „Нашихъ разногласій“ и ихъ прогнозъ началъ принимать реальные формы, съ середины 90-хъ годовъ русское рабочее движеніе выступаетъ на аренѣ русской политической жизни, какъ крупное социальное явленіе, а въ 1898 году возникаетъ Росс. Соц. Дем. Рабочая партія, правда еще только какъ объединеніе „тайныхъ рабочихъ обществъ“.

Несомнѣннымъ несчастьемъ для русскаго рабочаго движенія было то, что его идейный вождь, Плехановъ, оставался все время за границей, не соприкасался непосредственно съ живымъ его источникомъ—съ рабочими массами, что о ихъ настроеніяхъ и переживаніяхъ Плехановъ долгіе годы долженъ былъ знакомиться черезъ призму субъективныхъ оцѣнокъ тѣхъ или иныхъ практическихъ дѣятелей, которые безъ различія своихъ взглядовъ спѣшили дѣлиться своими впечатлѣніями съ общепризнаннымъ вождемъ русской социаль-демократіи. Только этой оторванностью отъ русской практики можно объяснить, что въ тактическихъ вопросахъ Плехановъ иногда расходился со своими собственными теоретическими положеніями, иногда слишкомъ рѣзко мѣнялъ свои тактическія позиціи.

Такъ въ его извѣстной борьбѣ съ такъ называемымъ „экономизмомъ“ въ концѣ 90-хъ г. и въ началѣ этого столѣтія, Плехановъ былъ несомнѣнно введенъ въ заблужденіе извѣстнымъ „Credo“ и протестомъ 17 социаль-демократовъ по поводу его. Какъ теперь уже достаточно выяснено (см. кн. Акимова, ст. Кусковой въ „Былое“), „Credo“ явилось мнѣніемъ отдѣльныхъ лицъ, въ то время, какъ „экономизмъ“ былъ опредѣленнымъ теченіемъ, имѣвшимъ широкое распространеніе въ практикѣ тогдашняго періода русскаго рабочаго движенія, не имѣвшимъ ничего общаго съ идеями „Credo“ и за исключеніемъ крайняго его праваго фланга („Рабочей мысли“), доказавшимъ свою жизненность уже тѣмъ самымъ, что основные принципы т. н. „экономизма“ были восприняты меньшевизмомъ послѣ раскола на второмъ партійномъ съѣздѣ. Потому что такъ называемый „экономизмъ“ и позже „рабочедѣльчество“ характеризовались—революционнымъ реализмомъ въ тактикѣ и демо

кратизмомъ въ организаціи—два принципа, воспринятые по наслѣдству отъ «Рабочаго Дѣла» меньшевизмомъ. И характерно, что Плехановъ уже гораздо позже въ одной изъ своихъ статей по поводу германскаго партійнаго съѣзда въ Мангеймѣ невольно оправдываетъ тактику т. н. «экономизма» періода конца 90 годовъ. Обсуждая вопросъ о взаимоотношеніяхъ партій и профессиональных союзовъ, Плехановъ писалъ:

„Дѣятельность Маркса въ Интернаціоналѣ показываетъ намъ, съ какимъ неподражаемымъ тактомъ умѣлъ онъ подходить къ пролетаріату съ пропагандой своихъ идей... Онъ не хотѣлъ, да и не могъ выступать передъ «пролетаріями всѣхъ странъ» въ видѣ сектанта, съ тупымъ упорствомъ отстаивающаго каждую букву своего ученія. Для него важно было пропитать сознание рабочихъ его духомъ. А эта цѣль гораздо лучше достигалась той осторожной манерой изложенія, которой онъ держался въ своихъ замѣчательныхъ публицистическихъ трудахъ шестидесятыхъ годовъ. Скажу прямо: онъ не хотѣлъ запугивать рабочихъ; онъ считался съ оппортунистическимъ настроеніемъ тогдашняго пролетаріата передовыхъ странъ. И именно этимъ онъ облегчилъ себѣ борьбу съ оппортунизмомъ (курс. Пл. „Отъ обороны къ нападенію“ стр. 457).

Говоря о томъ называемой „нейтральности“ профессиональных союзовъ, Плехановъ замѣчаетъ тамъ же: «Марксъ стоялъ за нейтральность профессиональных союзовъ. И это понятно... Соціалъ-демократія обязана поддерживать профессиональные союзы, ведя дѣятельную пропаганду между ихъ членами, но отнюдь не навязывая имъ своей программы. Такое навязываніе чрезвычайно сузило бы русло профессиональнаго движенія, т. е. помѣшало бы рабочимъ вступать въ ту, какъ выражается Марксъ, «школу социализма», которая лучше всего подготавливаетъ ихъ къ полному усвоенію социалистической программы. А это означало бы, что социалъ-демократы неразумнымъ рвеніемъ задерживаютъ распространеніе своихъ идей, т. е. затрудняютъ рѣшеніе своей собственной задачи» (курс. Плех. стр. 455).

Оторванностью отъ практики русскаго рабочаго движенія можно объяснить и то, что Плехановъ былъ вмѣстѣ съ Ленинымъ въ редакціи „Искры“, когда эта газета втеченіе двухъ лѣтъ проводила идеи созданія социалъ-демократическій рабочей партіи изъ профессиональных революціонеровъ, когда рабочее движеніе обьявлялось какъ таковое трѣдъ-унионистскимъ и т. д. Только второй партійный съѣздъ, гдѣ Плехановъ прикоснулся ближе къ практическому движенію, заставилъ его порвать съ Ленинымъ и выступить снова, какъ и въ 1884 году, противъ новой формы бланкизма и заговорщическаго типа организаціи.

Съ этого времени пути Плеханова и Ленина, за исключеніемъ очень короткаго періода, расходятся, и чѣмъ больше русское рабочее движеніе выходитъ изъ темнаго подполья, чѣмъ больше Плехановъ получаетъ возможность даже изъ далекой Женевы слѣдить за нимъ не только на основаніи субъективныхъ впечатлѣній тѣхъ или иныхъ дѣятелей, а на основаніи объективныхъ фактовъ, тѣмъ болѣе устойчивой становится его тактическая позиція; проникнутая всегда глубокимъ политическимъ анализомъ, поддержанная доводами научнаго марксизма, вооруженная діалектическимъ методомъ, эта тактика служила вѣрнымъ маякомъ русскому рабочему классу. Въ частности, онъ своимъ авторитетомъ поддерживалъ молодое русское профессиональное движеніе съ его первыхъ шаговъ, и всѣмъ дѣятелямъ профессиональнаго движенія должны быть памятны статьи Плеханова по ряду вопросовъ профессиональнаго движенія въ 1906, 1907, и позже (о синдикализмѣ, о Мангеймѣ и т. д.).

Политическіе лицемѣры пытаются утверждать, что Плехановъ въ своей позиціи по отношенію къ войнѣ отошелъ отъ революціоннаго пролетаріата. Теперь, больше чѣмъ кога либо, ясно, что еслибы русскій рабочий классъ былъ въ состояніи усвоить себѣ ту тактику, которую пропагандировалъ Плехановъ, то не погибла бы наша родина, не потерпѣла бы поражение русская революція, не былъ бы нанесенъ такой тяжелый ударъ на долгіе годы русскому рабочему движенію. Еще въ октябрѣ 1914, и маѣ 1915 года Плехановъ писалъ: „русскій пролетаріатъ заинтересованъ лишь въ одномъ: чтобы русская земля не сдѣлалась предметомъ эксплуатаціи въ рукахъ германскихъ империалистовъ“, и что „отказавшись защищать свою страну, социалисты ослабятъ ея силу сопротивленія непріятелю, т. е. сослужатъ службу господствующимъ классамъ нападающаго государства“.

Русскій рабочій классъ еще часто будетъ вспоминать вѣщія слова покойнаго учителя: „можетъ быть наша конечная цѣль дальше отъ насъ, нежели мы думали. Если это въ самомъ дѣлѣ такъ, то намъ непремѣнно прійдется считаться съ этимъ въ своей тактикѣ. Но всетаки это ровно ничего не говоритъ противъ достижимости нашей конечной цѣли. Будемъ же работать, помня, что до Палестины удалось добратся не тѣмъ крестоносцамъ, которые, по своему невѣжеству, при видѣ каждаго города готовы были кричать „Іерусалимъ! Іерусалимъ!“, а тѣмъ которые знали географію“.

В. Гриневиць.